

«КОГДА ВКЛЮЧЕН ТЕЛЕВИЗОР» — эта рубрика станет постоянной и в течение года еще не раз появится на нашей странице.

Владимир Яковлевич Ворошилов — ведущий передачи «Что? Где? Когда?».

Эльдар Александрович Рязанов — ведущий передачи «Кинопанорама».

Юрий Александрович Сенкевич — ведущий передачи «Клуб кинопутешествий».

Все три программы хорошо известны нашим читателям, они пользуются стабильной репутацией, видимо, и потому, что их ведут эти интересные люди. Мы решили собрать их вместе в редакции «Литературной газеты» для разговора о том, как они себя чувствуют в роли ведущих. В беседе участвует корреспондент «ЛГ» Лидия Польская.

В КАДРЕ И ЗА КАДРОМ

«ЛГ». Позвольте начать наш разговор с вопроса, который прозвучит, быть может, неожиданно: считаете ли вы работу ведущим своей профессией?

В. ВОРОШИЛОВ. Такой профессии вообще нет.

«ЛГ». Менее всего я ожидала услышать это от вас — вы здесь единственный ведущий-профессионал.

Ю. СЕНКЕВИЧ. Термин «ведущий» не совсем удачен, но мы сегодня обсуждаем существо дела, а не терминологию.

Э. РЯЗАНОВ. Слово «ведущий» уже принято, привычно уху, укоренилось. Ведущие — это лидеры. У нас задача по-прежнему — мы все-таки ведем телевизионные программы. Могу предложить еще одно определение: ведущий — это та самая часть айсберга, которая видна на поверхности. Порой зритель наивно полагает, что ведущий, он же комментатор, делает все, что видно и слышно в кадре, на самом же деле ведущий представляет то, что уже подготовлено сценаристом, режиссером, оператором. Правда, потом один за все это расплачивается перед зрителями.

В. В. Ведущий не только ведет, но и ведет, знает...

Э. Р. Или лучше другое: подготовлен к предмету разговора.

В. В. По крайней мере, понимает. Ведь в том, о чем идет речь, ведь мы знаем по опыту нашего телевидения: таких ведущих, для которых ведение передачи — единственная профессия, у нас почти нет. Только, пожалуй, Масляков выступает в этом жанре.

Ю. С. Говорят, существует «телевизионное объяснение», и в этом секрет. Искренность, доброжелательность, запас знаний — вот и весь «секрет». Но главное, как мне кажется, говорить то, что ты считаешь важным, не лукавить, не «играть». Ведущий олицетворяет для зрителя весь коллектив, вложивший в передачу свой труд, и ум, и чувство. Поэтому главное наше назначение в том, чтобы донести до «зала» идейно-художественный замысел, политическую, социальную цель материала. Ведущий представляет науку, искусство, политику и должен чувствовать, какова его роль перед миллионом соотечественников. Среди тех, кого мы приглашаем на нашу передачу, есть множество людей, с которыми я знаком. Одних я люблю больше, других — меньше, с одними — на «ты», с другими — на «вы», но всех одинаково — как первую повесть — я прошу рассказывать искренне, излагать свое мнение. Повторяю, самое главное — чтобы была правда. Тогда да и возникает контакт между ведущим и теми, кто в студии, и, надеюсь, теми, кто смотрит передачу.

В. В. Интерес к вашей передаче возникает прежде всего потому, что зритель испытывает к вам доверие — вы и в самом деле путешественник.

«ЛГ». Это плюс любой передачи, которую ведет специалист. Если бы Сенкевич и Рязанов поменялись местами...

Э. Р. А что, на один разок и я, может, смогу подготовиться, но больше не потяну. Каждый из нас в своей передаче находится, по сути, в своей стихии. Я про наше кино знаю многое, последние тридцать семь лет моей жизни прошли в этой среде. Я знаю, что такое труд в кинематографе. Естественно, у меня есть на любые ки-

нематографические события своя точка зрения. Вот мне и хочется вести «Кинопанораму» от себя, от своего лица. Ведущему нужна порой и «хитрость», а также тонкость и деликатность в подаче материала, особенно такого, с каким мне приходится иметь дело.

«ЛГ». Ваша передача всегда будет связана с оценками. Именно их ждет зритель, который любит кино и хочет знать, какие фильмы его ждут.

Ю. С. Да, тяжело вам! А мне обижать некого.

«ЛГ». Вы расстроены этим?

Ю. С. Наоборот. Наша передача — познавательная.

В. В. Я думаю, что любая передача ТВ — это передача одновременно и познавательная, и просвещающая, и воспитывающая — нравственно, эстетически. Все программы — так или иначе — шире своей рубрики.

Ю. С. Да, вы правы. А что касается моей основной задачи, она проста: стараться пропустить в людях интерес к тому, что мы показываем, взглянуть в прошлое, знать настоящее и думать о будущем. Элементы критики, конечно, тоже могут быть. Но не это для нас главная забота: — даже если возникнет из-за этого трения с режиссером, — чтобы основная мысль передачи была логически выстроена и доведена до конца, чтобы не было впечатления бега по поверхности...

Э. Р. Для меня самое важное — научить зрителя отличать подделку от настоящего произведения. Линейные пристрастия в нашей передаче важны. Однако — составление программы я устроился. Решительнее. Есть еще одна проблема для ведущего. Иногда мы грешим штампованностью, гладкими фразами, через которые нельзя пробиться. Они текут мимо сознания зрителя. Мало, когда один ведущий говорит бронебойными фразами, делая значительный вид, вещает привычными, стертыми, казенными словами. Другой — с умильной улыбкой радуется тому, что обидено и вообще не требует ни этой патоки, ни чрезмерного пафоса. Эти ужимки зрителя лишь отвращают, как невольная имитация резвости, легкости, сиюминутности, избобренности. А кому это надо? Он, зритель, живет обыкновенной, зачастую нелегкой жизнью, у него уйма проблем, и он не хочет умиляться этой неадекватности жизни и экрана. А когда зритель видит перед собой в телевизоре человека, которому близки те же проблемы, что и ему самому, он начинает доверять такому ведущему.

«ЛГ». И не только ведущему. Телевизионная передача в целом внушает доверие, если его оправдывает любовь, что появляется на экране. Независимо от функций и профессии.

В. В. Но ведь у всех, кого мы видим на телеэкране, — разные задачи. Диктор, например, лишен множества привилегий ведущего. Диктор только носитель информации. Он не может, как ведущий, вдруг оторваться и начать импровизацию. Мне кажется, именно эта способность показывает, кто перед нами — ведущий или просто человек, случайно занявший это кресло. Вот ваш эпизод с Гурченко, Эльдар Александрович, в передаче «Музыка театра, кино и телевидения» был импровизацией?

Э. Р. Мы заранее ничего не обговаривали. Гурченко очень волновалась. Я тоже нервничал. Так уж сложилось, что после «Карнавальная ночь» двадцать пять лет мы не встречались в работе. Мы не знали, как пройдет наша встреча перед телекамерой, совсем ее не готовили. И получилось высечение отношений при стилистической аудитории.

В. В. Бывает такой звездный момент в телепередаче, когда зритель раскрывает глаза и уш, потому что понимает, что он виден в кадре, — событие, то есть нечто незапланированное, неповторимое. Я до сих пор помню, а это было много лет назад, как во время крупного хоккейного матча испортились электронные часы, а тут как раз забил шайбу, и никто не знал, засчитают ее или нет. Эта заминка длилась около тридцати минут. Телевидение же не отключало свои камеры, и я думаю, ни один из телевизоров в эти минуты не отошел, потому что нам напрямую показывали кусок жизни.

Э. Р. Самое ценное для телевидения — прямая передача.

«ЛГ». Или передача, снятая без дублей, пусть даже в ней чувствуются шероховатости и огрехи. Если на первом дубле вы выдаете импровизацию, то на третьем она — заученный наизусть текст.

Ю. С. А как обойтись без дубля, если ты или твой собеседник начинают «чихать» или явно оговорились и смущались от этого? Иногда же приходится прерывать запись потому, что собеседник в своем рассказе уходит в сторону и забывает про основное. Мне бы самому хотелось, чтобы каждая передача делалась как экспромт — с борта «Тигриса» или от подножия Эвереста. Но пока мы чаще всего — в студии. А здесь иные представления о чистоте записи.

В. В. И очень жаль. По-моему, пусть чихают, пусть смущаются — ведь это жизнь, это приковывает внимание...

«ЛГ». Разумеется, если в передаче есть нечто главное, ради чего она показывается, как, например, в передаче «Этот вы можете», где и ведущий Владимир Соловьев, и несколько десятков людей в студии заражены общим интересом и забывают о камере начисто. Но есть программы иного свойства: пусть у них благородная цель, но ведущий идет к ней так прямолинейно и неизобретательно, что диву даешься. Вот «С песней по жизни» — передача, которая потенциально могла бы стать одной из самых темпераментных и импровизационных.

Но не вышло. Зал остался в стороне. А можно быть ведущим, и оставаясь за кадром — как Владимир Яковлевич Ворошилов.

Ю. С. Откровенно говоря, я шел на этот «круглый стол» в надежде увидеть, как выглядит Ворошилов, знакомый всем только своим голосом.

Э. Р. Меня тоже волновала эта загадка. Так почему же вы остаетесь за кадром?

В. В. Я сам поставил себя в такие условия. Ваши передачи основаны на том, что существует помимо телевидения: история, география, кинематограф. Я же строю на «пустом месте», создаю программу из ничего, от нуля. Я не думаю, что мы придумали вечную игру, но сейчас в нее играют во многих институтах, уни-

верситетах, во многих городах и без телевизионной камеры... Вот вы, Юрий Александрович, назвали свою передачу познавательной, я бы так не сказал о своей. Скорее, она — воллюющая самую широкую публику в процесс мышления. Ведь на самом деле «знатоки» знают не больше нас с вами, просто они лучше умеют пользоваться своими знаниями. А этому надо учиться. Вокруг нашей передачи много психологов, ученых, они изучают феномен «знатоков».

«ЛГ». Ваша игра изначально интересно придумана: в ней нельзя заподозрить никакого «подвоха».

В. В. Да, я сам не знаю, чем кончится тот или другой раунд, и, откровенно говоря, не смог бы вести передачу, если бы все было отретировано и «знатоки» знали ответ заранее. Не смог бы, потому что в первую очередь я должен играть в честную и бескорыстную игру с участниками передачи.

Ю. С. Когда я смотрю вашу передачу, у меня не вызывает никаких сомнений то, что «знатоки» не знают ответов заранее — это видно по их поведению, ответам, реакции. У меня сомнения в другом: окончательный счет в пользу телезрителей или «знатоков» — просто можно сделать с помощью монтажа. Предположим, «знатоки» выигрывают пять раундов, а зрители — семь, и монтажом счет доводится до нужного: например, 5:4 в пользу «знатоков».

В. В. Да, такое мне в голову не приходило! Но я не стану прибегать к подделкам. Игра тут же разрушается.

«ЛГ». И ваша репутация у «знатоков» — след. Неслучайная или постоянная аудитория в студии всегда «контролирует» ведущего, делает его более щепетильным в выборе средств.

Э. Р. Щепетильность необходима в работе с любой аудиторией.

«ЛГ». Вы говорите о том, как должно быть, и же имею в виду то, что есть. Пока ведущий не обращает внимания на зал, а режиссер надеется, что аплодисменты нхитрым способом — после записи, монтажом — будут распределены поровну, — не будет даже видимость «живых средств». Нелзя превращать публику в статистов. И результат потом, увы...

Э. Р. Вы раскрыли сейчас один из обычных «секретов» технологии.

«ЛГ». Это все еще «секрет», но давно уже не тайна.

Э. Р. И все-таки почему Ворошилов остается за кадром?

В. В. Конечно же, я должен был находиться рядом со «знатоками». Но одновременно не хотелось им мешать. И я сел в самом темном углу студии. Тогда они, вместо того чтобы сосредоточиться на ответе, смотрели в мою сторону, пытались выразить лица угадать, правили ли их гвет. Я поставил ширму. Это не помогло: они старались зате мою реакцию через пюки, сидящую

в студии. Тогда я ушел в дружную комнату и запер за собой дверь. Теперь передо мной стоит телевизор марки «Рубин», и я вижу лишь то, что видит любой из вас — телезрителей. Сначала это положение было и страшно, и неудобно. Постепенно я понял, что случайно нашел верное решение. Ведь я и призван смотреть на игру глазами телезрителей, защищать их интересы.

Ю. С. То, что вы придумали, — прекрасно. Наверное, вашу тайну надо сохранить и далее — не появляйтесь на экране. В этом есть некая изюминка.

Э. Р. Если уж действовать по законам драматургии, то надо появиться и снова уйти. Один раз появиться — и все.

«ЛГ». Телевизионная режиссура — профессия для Владимира Яковлевича, но вот интересно: что заставило Сенкевича и Рязанова присвокупить к своей основной работе еще одну — и не менее хлопотную?

Ю. С. Еще до своего появления на телевидении я много видел с лекциями. Мне нравился сам процесс: рассказывать, показывать, объяснять. Когда мне предложили вести «Клуб кинопутешествий», я был внутренне к этому готов.

«ЛГ». А вы могли бы сами, без помощи ваших коллег, приглашенных в «Клуб», сесть перед камерой и час за часом, неделя за неделей рассказывать подробно о каком-то путешествии — как устную повесть...

Ю. С. Во-первых, гости появляются в нашей передаче не случайно, в большинстве своем это интересные, бывалые люди. Как бы я ни хотел, я не могу рассказать, например, об Африке так, как это делает С. Кулик, или об Италии — Н. Прокопкин, мог бы назвать еще с десяток имен... Во-вторых, вот здесь, в портфеле, лежит заявка на пятьдесят фильмов по тридцать минут каждый. В них должна идти речь о незаблужно забытых или полузабытых русских путешественниках. У них была разная судьба — и трагическая, и счастливая. Что-то можно возродить при помощи документа, документального кино, но мне кажется, что материал этот настолько объемный и интересный, что требует рассказа с помощью художественного кинематографа. Почему бы этого не сделать для «Клуба кинопутешествий»? Предположим, в кадре будет присутствовать ведущий, как в итальянском телефильме о Леонардо да Винчи. В этих фильмах должно быть много рассказов о людях. В каждой экспедиции была своя «голово» и свой балагур. И люди были чрезвычайно интересные, и экспедиций, в которых участвовали русские путешественники, было так много, и они тоже — крайне интересные. И где только наших не было: в Бразилии, в джунглях Амазонки, в Африке, в Австралии. Вот эти темы мне бы и хотелось поднимать в «Клубе», сделать целый цикл. Конечно, на это нужны и время, и труды огромные.

Э. Р. В «Кинопанораме» тоже можно было бы сделать свой цикл. Какую передачу, например, можно сделать об Александре Довженко или Михаиле Ромме! Раз в месяц делать приложение к «Кинопанораме».

«ЛГ». Взались бы вы за этот цикл?

Э. Р. Пока это абстрактный вопрос. Но вообще я люблю делать то, чего не пробова. «Кинопанорама» — тому пример. Когда смотрел передачу с разными ведущими, каждый раз нахально думал: я могу не хуже. Потому что некоторые ведущие, которые часто менялись в те годы, не говорили своими словами. Чувствовалось, что это чужие мысли. Ну, думал я про себя и думал, но никаких шагов не делал. Потом — пригласили, сам не напрашивался. Надо сказать, что и у меня был кое-какой опыт встреч со зрителями. Когда я пришел в телестудию, сел перед камерой, то понял: камеры не боюсь. А поскольку считал, что прежде всего ведущий должен быть живым, решил не говорить ничего бю-

рократического. Я и сейчас считаю, например, что слово «мероприятие» для ведущего запрещено. Из-за желания много рассказать, поделиться своим опытом я стал сразу «тащить одеяло на себя».

Ю. С. Эльдар Александрович, должен покаться, первое впечатление о вас на телеэкране было у меня не самым лучшим. Мне казалось, что вы переступили, как бы это сказать, грань раскованности, что ли.

Э. Р. Вот-вот, и я, посмотрев на себя, понял, что, может быть, мои мысли и не лишены интереса, но не это главное, и что надо собеседнику тоже слово давать. Надо учиться слушать партнера. Кроме того, я понял: ведущий должен быть человеком доброжелательным. И все же я должен признать, что одна из самых непреодолимых трудностей нашей передачи состоит в том, что я, высказывая свое мнение, могу кого-нибудь обидеть, и даже того человека, который сидит рядом. Это ужасно! Не хочется обидеть, но не хочется и фальшивить. В этой ситуации «выплывать» сложно. Все-таки к тебе пришли гости, и ты должен относиться к ним с симпатией. Иначе будешь хам-хозяином.

Ю. С. У телевидения, несомненно, есть свои законы, по которым принятый в жизни стиль общения превращается в недопустимый. «Ящик» прекрасно показывает и увеличивает бестактность, неумение вести себя, неуважение к собеседнику — на экране сразу видно, интересен он вам или нет. Это закон. Ведущий должен всегда это помнить. Мастерство — в способе изложения. Это очень хорошо получается у Сергея Петровича Капицы: он говорит о вещах архисложных, но никакого страха зритель перед этими сложностями не испытывает. По своему опыту знаю, как часто приходится доводить до «золотой середины» собеседника, который разговаривает слишком сложно для непосвященного.

Э. Р. Здесь надо надеяться на свое чувство собеседника и — одновременно — телезрителя. Ведущий должен быть в какой-то мере и драматургом, и беллетристом. Я, например, люблю живую речь со всеми ее неправильностями и могу сказать так: «И он почесал с огромной скоростью». Естественно, произнести такое можно лишь с иронией, а не всерьез. Но тут-то и начинаются уговоры: так нельзя говорить, это выходит за рамки литературной речи. Я сопротивляюсь изо всех сил, а чтобы что-то оставалось на экране, живу по такому принципу: чем больше записишь, тем больше останется. Уверен, стерильный язык делает ведущего мертвым!

В. В. Не нужно пытаться «сохранить лицо», зритель этого не любит, отчуждается. Ведущий, как бы попавший впрок, становится роднее и интереснее.

«ЛГ». А что-нибудь вас всех огорчает в передачах?

Ю. С. Время. Порой хочется копнуть поглубже. Это не всегда удается, многое приходится опускать.

Э. Р. Огорчает рекламность, которая задана в самом факте существования «Кинопанорамы». Из-за этого частенько возникает некая «причесанность». Это, конечно, недостаток.

В. В. Иногда все становится немотогу, кажется, что в передаче сплошные недостатки. Тогда я иду к кому-нибудь и прошу рассказать мне, что этот человек думает о нашем клубе. Мне чаще всего говорят что-то хорошее... И я снова чувствую, что могу работать.

Ю. С. А я иногда предпочитаю не включать телевизор во время «Клуба кинопутешествий» — просто боюсь смотреть.

«ЛГ». Наверное, должна появиться привычка видеть себя на экране.

Ю. С. К сожалению, ее нет, и вряд ли когда-нибудь она появится.

В. В. А не надоела вам собственная передача: уже столько лет вы ее ведете!

Ю. С. Надоела ли? Я себя на этой мысли никогда не ловил. Но иногда, откровенно говоря, хочется «на волю», хотя на какое-то время. А вообще-то я думаю, что «надоело» не надоело» зависит не от количества проведенных передач.

«ЛГ». Мне кажется, что старение передач, о чем приходится иногда думать и говорить, тесно связано с ведущим. Как ни странно, один и тот же ведущий может вывести программу в популярную, а потом — своим же присутствием — и погубить. У ведущего, как у театра, есть свой век. Правда, я не берусь сказать какой. Наверное, лет шесть-восемь.

В. В. Я вообще считаю, что передаче не могут вести разные ведущие. Это дело сугубо личное, личностное...

«ЛГ». А «Кинопанорама», поделенная на двоих? И все-таки ведущего, пусть привычного, надо менять. Иначе передача «замораживается». Представьте себе, что каждое воскресенье, например, днем к вам приходит соседка и назначает общаться на одну и

ту же тему. И так лет пять-на шесть.

Ю. С. Вы ошибаетесь. Ведь вы из вежливости — пока не сорветесь — соседку не «выключите», а телевизор выключить можно.

«ЛГ». В том-то и состоит эффект телевидения, что редко кто выключает.

Э. Р. А что касается старения программ и ведущих... Существует для каждого реальная опасность деградации. Мне приходится все время что-то говорить, общаться. Боюсь, что возможности мои не бесконечны, словарный запас не безграничен, а когда зритель узнает уже все мои «ужимки и прыжки», мне как ведущему конец. Как-то я сказал это во время встречи со зрителями и тут же услышал голос из зала: «А Каплер девальвации не боится!» Но не забудьте: Каплер шесть лет занимался только «Кинопанорамой» — он сам об этом писал, — а мне хочется по-прежнему сочинять пьесы и снимать фильмы. Я не могу отдавать передаче целиком все свое время.

«ЛГ». Не мешает ли профессия ведущего вашей основной работе, не посещает ли — хоть изредка — желание расстаться с ТВ?

Э. Р. Я об этом не думал, потому что еще от «Кинопанорамы» не устал, хотя иногда чувствую себя паровозом. Вы знаете — коэффициент полезного действия паровоза шесть процентов, а 94 процента, как говорится, уходит в пар, в свисток. Но и те оставшиеся шесть процентов пока меня устраивают.

Ю. С. Как я уже говорил, есть масса всяких идей, есть о чем говорить, и, стало быть, пока уходить не хочется. Разве что иногда хочется выдать что-то очень свое, такое, где в свисток уходит пара помеша.

В. В. Режиссер Ворошилов уходит, а вместе с ним — и ведущий Ворошилов, если программа «Что? Где? Когда?» не станет более интересной к будущему сезону.

«ЛГ». Во всех трех случаях я надеюсь на лучшее, и мы будем смотреть передачи с вашим участием.

Э. Р. А как же ваш тезис о том, что ведущих необходимо менять?

«ЛГ». В новом году у нас будет время обсудить этот вопрос.

Материалы «круглого стола» «ЛГ» подготовил Ю. ГЛАДИЛЬЩИКОВ

Дружеские шаржи И. МАКАРОВА